
Е. А. АЛЕКСЕЕНКО

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ У КЕТОВ

Среди древних культов, сохранявшихся в той или иной степени у некоторых народов Сибири в дореволюционное время, следует отметить ритуальное почитание медведя. Существовавший, вероятно, тысячелетия, культ медведя восходит к культуре пеших охотников лесной зоны Северной Азии и связан с тотемистическими представлениями.

Култ медведя проявлялся у народов Сибири в особом отношении к медведю, выделении его среди прочих зверей, признании его существом, близким к человеку, во всевозможных поверьях и приметах, а также в комплексе обрядовых действий, связанных с охотой на медведя и поеданием его туши. Такая форма медвежьего культа была характерна для большинства народов Сибири¹. Иная форма этого культа, связанная с содержанием медведя в клетке и ритуальным жертвоприношением выращенного животного, зафиксирована только у некоторых народов Дальнего Востока (айнов, нивхов, орочей и ульчей).

Изучение культа медведя у кетов, сохранявших до недавнего времени характерные особенности древней культуры пеших охотников и рыболовов тайги (способы и приемы охоты, промысловые орудия, средства передвижения, а также различные элементы духовной культуры), представляет особый интерес. Изучение это не только дает возможность характеризовать отдельные моменты ранних религиозных представлений, связанных с архаичной хозяйственной и общественной организацией человеческого общества, но интересно и для выяснения этногенеза народов Сибири.

В литературе по кетам сведения о культе медведя совсем незначительны. Имеются лишь упоминания об особой роли медведя, наличии у него, как и у людей, души, а также отрывочные заметки о некоторых моментах почитания медведя и ритуальных действий во время охоты и после нее².

В настоящей статье я, не претендуя на исчерпывающее освещение культа медведя у кетов, хочу лишь расширить имеющиеся в литературе

¹ Наиболее полно библиография по культу медведя у народов Сибири представлена в следующих работах: N. P. Dyrenkova, *Bear Worship among Turkisch Tribes of Siberia*, «Proceedings of the 23th International Congress of Americanists», 1928; Б. А. Васильев, *Медвежий праздник*, «Сов. этнография», 1948, № 4; Otakeg Nahodil, *O puvodu náboženství*, Praha, Orbis, 1954.

² Специально культу медведя посвятил две страницы своих этнографических заметок о кетах финский ученый К. Доннер, присутствовавший на медвежьем празднике у подкаменнотунгусских кетов осенью 1912 г. Как отметил сам К. Доннер, он не разобрал многого из того, что говорилось на празднике. Более полно им был описан лишь момент приготовления к празднику в чуме охотника, убившего медведя. См.: Kai Donner, *Ethnological notes about the Jenisejostjak*, Helsinki, 1933.

Судя по сведениям, приведенным Б. А. Васильевым в указанной работе, значительными материалами по культу медведя у кетов располагал Н. К. Каргер, архив которого, к сожалению, не найден.

сведения об этом. Основным материалом для статьи послужили данные, собранные мною во время поездок по заданию Института этнографии АН СССР к кетам в 1956 и 1958 гг.³ Побывав за это время во всех основных местах обитания кетов, я имела возможность проверить имеющийся в литературе материал, выяснить некоторые локальные различия⁴.

Все сведения записаны со слов кетов-охотников, в основном — людей пожилого возраста. В настоящее время у кетов можно зафиксировать лишь отдельные пережиточные моменты культа медведя. Полного комплекса обрядовых действий не существует, почти исчезло и религиозное содержание праздника. В то же время и сейчас добыча медведя — праздничное событие у кетов, свидетельство смелости, ловкости и выносливости охотников. Медвежье мясо вкусно, шкура высоко ценится, охотник получает большую премию от заготовительных организаций, и естественно, что люди стремятся отметить это событие. В празднике как развлечение сохраняются некоторые традиционные обрядовые моменты.

* *
*

По старинным еще недавно господствовавшим представлениям кетов, медведь — это «царь» всех зверей, живущих на земле⁵. Отмечая отношение к медведю как к «богу земли», М. А. Кастрен писал: «...Остяк («енисейские остяки» — старое название кетов.— Е. А.) думает, что он (медведь.— Е. А.) не зверь, как все прочие, что звериная шкура его только покров, под коим оказывается существо, имеющее человеческий вид и одаренное божеской силой и мудростью»⁶. Главное отличие медведя от зверей, писал В. И. Анучин, в том, что у него, как и у людей, имеется душа (остальные животные души не имеют)⁷.

Отношение к медведю как к существу, близкому к человеку, родственному ему, сказалось и в названии. Говоря о медведе, кеты называли и продолжают называть его по традиции «кыпъ», «бат», что значит «дедушка», «старик». Медведицу называют так же. Характерно, что кетское «кой» — «медведь» употребляется в кетском языке также в значении «отчим», «мачеха» и «дядя по материнской линии». Любопытно и другое мифологическое название медведя — «кайгусь»; это «шерстной человек», «лесовой человек»⁸, «как человек, шкура только — одежда как у нас»⁹.

³ Ценные сведения по культу медведя у кетов получены мною также от Б. О. Долгих, за что приношу ему свою признательность. И использованные сведения собраны им в экспедиции на Подкаменную Тунгуску, организованной Ин-том этнографии АН СССР в 1948 г.

⁴ Кеты живут в Туруханском районе Красноярского края пятью группами — по притокам Енисея, рекам Подкаменной Тунгуске, Елогую, Сургутихе, Пакулихе, Курейке. Северные (курейские) кеты удалены от южных (подкаменнотунгусских) более чем на тысячу километров.

⁵ В кетском фольклоре встречаются также «цари» птиц, рыб.

⁶ М. А. Кастрен, Путешествие в Сибирь в 1845—1849 гг., «Магазин земледелия и путешествий», т. VI, ч. 2, стр. 327.

⁷ В. И. Анучин, Очерк шаманства у енисейских остяков, «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук» (далее МАЭ), т. II, вып. II, Пг., 1914, стр. 12.

⁸ Кеты сообщали мне в основном сведения на русском языке.

⁹ Условное и прежде всего приравняющее его к людям название медведя широко распространено у сибирских народов. «Стариком», «дедушкой» медведя называли северные алтайцы (тубалары), манси, ненцы, якуты, северобайкальские эвенки, нанайцы, удэгейцы и ороки. Название медведя, характеризующее его как особое существо, близкое к человеку, известно также у манси («лесная» или «горная женщина»), у хантов («старик, одетый в шубу») и др. (Б. А. Васильев, Указ. раб., стр. 81; Л. П. Потапов, Пережитки культа медведя у алтайских тюрков, «Этнограф-исследователь», Л., 1928, № 2—3, стр. 17; В. Н. Чернецов, Медвежий праздник обских угров, Доклад на кафедре этнографии МГУ, 1940, рукопись (взято из указанной работы Б. А. Васильева).

Наделяя медведя душой, считая его существом, близким человеку, кеты признавали за ним способность понимать язык всех зверей и язык людей. При этом полагали, что летом из-за шума листвы медведь слышит плохо, зато очень опасно говорить неблагоприятно о медведе или хвастаться удачной охотой на него осенью или зимой. «Скажешь несколько раз плохо, пойдешь на охоту, найдешь хорошее место, но тут из-за валежника поднимется медведь и сгребет тебя» (елогуйские кеты)¹⁰. Встретив случайно медведя в лесу, кеты уговаривали его не трогать их, уйти от них. Женщина в таких случаях должна сказать: «Старик, уходи, я не грешная». Подкаменнотунгусские кеты рассказали мне об одном случае, когда во время охоты на медведя собаки, испугавшись, забились в его берлогу и оказались позади зверя. Охотник не стрелял, боясь задеть собак. Женщины тем временем просили медведя: «Старик, наших собак не тронь». Когда тот, потревоженный, зарычал, его стали уговаривать: «Тише, тише, старик, у нас сердце слабое»¹¹. Разговаривали с медведем и во время охоты на него, и потом, на празднике, «угощая» изображение медведя и «провожая» его обратно в лес (см. ниже)¹². Отражение культа медведя можно видеть в обычае разрешения спорных вопросов и выявления виновного, существовавшем у кетов в прошлом. «Когда между осяками случится преступление,— пишет М. Ф. Кривошапкин,— дают виновному либо медвежье ухо, либо медвежий зуб, чтобы он и целовал, и грыз, и рубил его. Если осяк все это выполнит, не сознаваясь в вине, то иногда это... освобождает от подозрения»¹³.

В. И. Анучиным записано выражение «койубат» (кой — медведь, бат — правда), равносильное выражение «честное слово» или «истинная правда»¹⁴. Такой же обычай зафиксирован у кетов еще в первой половине XVIII в. Г. Миллером: «Осяки на Кети издавна едят кусочки медвежьей кожи в доказательство невинности и говорят, что если кто дал ложную клятву, то не останется в живых и года, за это время медведь сожрет его внутри... они тайком продолжают клясться таким образом, даже и приняв крещение. Если их заставляют присягать или приносить клятву перед русским судом, то они также держатся этого суеверия и вешают медвежью шкуру..., шерстью наружу, и заставляют приносящего клятву коснуться ее губами или как бы поцеловать, так как они считают, что медведи в лесу и в этом случае не оставят без возмездия принесшего ложную клятву»¹⁵.

Большой интерес представляет существовавший в прошлом у кетов обычай выращивания медвежат. Случаи приручения и вскармливания их были довольно часты. Убив медведицу, детенышей брали себе. Обычно содержали медвежонка в бездетной семье. Современные кеты объясняют это тем, что медвежонка надо любить и заботиться о нем, как о своих детях. Медвежонка звали «дочкой» или «сыном» — «ыськит» и действительно очень заботились о нем. Жил он вместе с хозяевами в

¹⁰ Полевая запись автора, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. К—I, оп. 2, № 416, л. 34. (Дальше — Полевая запись, № и л.).

¹¹ Полевая запись, № 435, л. 60.

¹² Такое же отношение к медведю характерно и для эвенков и саяно-алтайских народов; особенно ярко это проявилось у обитателей лесных районов северного Алтая — шорцев, тубаларов, древняя охотничья культура которых оказалась менее подверженной влиянию тюрков-скотоводов. (Е. Титов, Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода, «Сибирская живая старина», I, Иркутск, 1923, стр. 95; Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 16—17).

¹³ М. Ф. Кривошапкин, Енисейский округ и его жизнь, СПб., 1865, стр. 135.

¹⁴ В. И. Анучин, Указ. раб., стр. 20.

¹⁵ Эти данные извлечены Л. П. Потаповым из рукописи Г. Миллера (на немецком языке) под названием «Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в начале 1735 г.», хранящейся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ф. 199, д. 9, портф. 526, ч. II, л. 71).

чуме, ему устраивали, как человеку, постель, кормили тем же, что ели сами. Медвежонок становился общим любимцем; с ним разговаривали, водили «в гости» в соседние чумы, где он всегда получал угощение. Медвежонку надевали серьги и ошейник — ожерелье, то и другое обязательно из красной меди. Ошейник ежегодно меняли, надевая по мере роста медвежонка более широкий. В некоторых случаях на лапы надевали медные же браслеты. Подросткового ручного медведя брали с собой на охотничий сезон в тайгу¹⁶. Считалось, что он предупреждает о появлении поблизости дикого медведя. Подкаменнотунгусские кеты рассказывали, что, чувствуя приближение дикого медведя к кочующему в тайге охотнику или к его чуму, ручной медведь берет лапами тиски¹⁷, сует их в огонь и горящие высоко поднимает, встав на задние лапы. Этим, как объясняла кетка О. В. Тыганова (пос. Суломат, р. Подкаменная Тунгуска), он как бы говорит хозяину: «Я буду драться, а ты свети лучше, чтобы не перепутать, в кого стрелять»¹⁸. Держали медвежонка лет до трех, затем отпускали в тайгу, не снимая с него украшений. Соседей предупреждали, что отпускают сына или дочь, чтобы не охотились на него. Рассказывают, что иногда ручные медведи на время возвращались к хозяевам; те их охотно принимали, если надо — лечили. Кеты никогда не убивали выращенного медведя¹⁹.

Наиболее полно культ медведя у кетов проявлялся в комплексе обрядовых действий, связанных с выслеживанием, охотой и поеданием туши медведя. Пережитки этих действий сохранялись местами до недавнего времени.

Прежде чем перейти к описанию обрядности, связанной с почитанием медведя, приведем кетскую легенду, ее осмысляющую²⁰.

«Когда-то жил в лесу кайгусь — лесовой человек, сын медведя и женщины²¹. Шесть лет ему было, до семи не дошел, задумал жениться, девку у людей взять²². Отец не велел: «Мал еще, подрасти надо». Сын на своем стоит. Отец тогда семь шагов (следов) отсчитал, до восьмого допрыгнуть велел: «Допрыгнешь — к людям иди, не сможешь — нельзя идти, убьют тебя люди». Рослому допрыгнуть легко, сын маленький был, не смог, но все-таки к людям пошел, взяв в подарок платок и платье. Идет, идет по тайге, навстречу ему бурундуки. «Куда идешь?» — спрашивают. «Я к людям жениться иду». — «Не ходи, назад не вернешься, убьют тебя люди». Не послушал кайгусь, рассердился, убил бурундуков стрелой из лука, дальше пошел. Навстречу ему белки: «Куда идешь?» — «Я к людям жениться иду». — «Не ходи...» [и т. д. Кайгусь встречает также колонков, горностаев, соболей, росомх и волков;

¹⁶ По свидетельству кетки Т. Г. Коротких (пос. Сулома, р. Подкаменная Тунгуска), на бока медведя в этом случае надевали «железа», однако выяснить что-либо по этому поводу более конкретно нам не удалось.

¹⁷ Вываренная и выделанная береста, употреблявшаяся на покрывки чума, а также в качестве временных заслонов на промысле.

¹⁸ Полевая запись, № 435, л. 61.

¹⁹ По сведениям К. М. Рычкова, такие же случаи приручения медвежонка были отмечены им и у части сымских эвенков (статья «Енисейские тунгусы» в кн. «Землеведение», III—IV, М.—Пг., 1923).

Выращивание пойманного медвежонка, как известно, было характерно для айнов и некоторых амурских народностей — нивхов, ороков, орочей, ульчей. Но у них обычай этот имел специфические черты, позволяющие выделить весь комплекс обрядов, связанных с медведем, в особый вид медвежьего праздника.

²⁰ Записана нами по-русски со слов кетки В. Ф. Дорожкиной (пос. Сургутиха, р. Сургутиха). Полевая запись, № 437, л. 1—4.

²¹ Интересно отметить, что в других кетских преданиях фигурируют «кайгусь» — «лесные богатыри», «лесная девка», существа, по внешнему виду ничем не отличающиеся от людей.

²² Людей, противопоставляя их лесным существам, в этом предании называют «кынэренг» — «чистые люди».

со всеми у него происходит одинаковый разговор, всех он, рассердившись, убивает]. Пришел медвежий сын (койдэхып) к реке, где чум старика стоит. Дочь старика за водой пошла. Кайгусь схватил ее и ушел с ней в тайгу. Поздно уже хватились люди — нет дочери старика, медвежий след узнали. Утром небо посветлело, старик людей собрал, пальмы наточили, медведя гонять стали. Гоняли, гоняли; дочь старика, жена медведя, погоню слышит: «Это отец нас гоняет с людьми». Кайгусь решил подарок, выкуп (хонгуксь)²³ отцу жены оставить — копку (кучку) бурундуков ему оставил. Люди медведя гоняют, видят — бурундуков много лежит. Старикам говорят: «Это муж твоей дочери выкуп тебе оставляет, не зверь он, зачем гоняешь». Старик не слушает, дальше гоняет. Кайгусь погоню слышит, копку белок — старикам подарок — оставляет. [Затем кайгусь так же оставил кучки колонков, горностаев, соболей, росомах и волков]. Старик дальше гоняет, уговоров людей не слушает. Сын медведя уж уставать стал: «Я все им оставил, все равно убьют», — говорит. Остался только платок и платье, оставил и их медведь. Старика люди уговаривают: «Ведь человек идет, сколько подарков оставил, не гоняй его». Не слушает их старик, дальше гоняет. Тогда кайгусь говорит жене: «Все равно убьют они меня, пугаю я их. Если не убьют, то мы не как лесные звери, а по-человечьи ходить будем. Если меня убьют, пусть правую руку отрезают, пусть бросают, сколько дней сидеть буду, чем кормить меня пусть узнают. На бересте пусть рисуют, норку (кожу с носа и губ) пусть оставляют. Мои кости пусть гложут, ребра пусть связывают, голову, кости в сторону пусть относят». Сказал все это и ушел людям навстречу. Старик его убил, дальше пошел, видит — дочь стоит, плачет: «Зачем мужа моего убили!». Старик дочь взял, народ домой ушел. Мясо домой таскали. Лапу бросали, на бересте тень медведя, душу рисовали. На руках, ногах, шее медь красную протыкали, — так он сказал. Дочь мясо есть не стала. Три дня гостил медведь: юколу, утичий жир ему ставили. Кости собирали, ребра корой черемухи связывали. Потом все в лес унесли, на пеньке оставили. Когда тень на землю упала, медведь-сын пошел к отцу. По пути весь народ его встречал — бурундуки, белки, колонки, горностаи, соболи, росомахи, волки, — стыдили, что не послушался. К отцу в чум [берлогу] пришел, вниз упал, только кости гремели»²⁴.

Охотились на медведя обычно в осенние месяцы «малой ходьбы» (первая половина охотничьего сезона — октябрь — начало декабря) по малому снегу. Выслеживали медведя с собакой, по следам, царапинам на деревьях (медведь когти точил); бывали случаи, когда охотник неожиданно находил берлогу. Выследивший, приметив место, возвращался в стойбище и оповещал остальных охотников об удаче, ударяя посохом о лыжу²⁵. Заходя в чум, охотник делал несколько прыжков, жестикулируя одновременно руками. Этим он также сообщал о найденной берлоге²⁶.

²³ Так же кеты называют и калым.

²⁴ У аянских эвенков, соседящих с ними эвенов, а также у орочей существует сказка о женщине, попавшей в берлогу и родившей медвежонка. Второй ее сын еще мальчиком, как-то меряясь силами, убил брата-медведя, и тот, умирая, завещал людям обряд охоты и захоронения добытого медведя. (Г. М. Василевич, Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII, М.—Л., 1957, стр. 168).

²⁵ Таким же способом, но более частыми ударами, оповещали о выслеженном другом крупном звере — сохотом. Частые удары означали, что необходимо быстро собираться, пока лось не ушел далеко.

²⁶ Сборы на охоту сопровождалась своеобразными пантомимами и танцами также у манси, хантов, чукчей и коряков. (Б. А. Васильев, Указ. раб., стр. 82). Эвенки встречали охотников, возвращавшихся в стойбище с добытым медведем, прыжками и криками, подражая воронам (Г. М. Василевич, Указ. раб., стр. 168).

Мужчины постепенно собирались к нему в чум. Когда все были в сборе, охотник начинал рассказ о том, как сегодня он шел по тайге, увидел следы, пошел по ним и добрался до чума «старика» (так иносказательно говорится о медведе и его берлоге), сообщал, что завтра к старику можно в гости идти. Слово «охота» никогда не произносилось, запрещалось также звать кого-либо из охотников идти вместе. Участники вызывались сами. Наутро человек 5—10 мужчин шли к берлоге — койо. Не доходя до нее метров 200—300, обязательно разводили костер («без костра к нему нельзя»); зимой костер разводили ближе к берлоге²⁷. У разведенного костра точили пальмы, затем подходили ближе к берлоге и обращались к медведю со словами: «Старик, выходи! Как сохатый выходи, беги!» Тревожили медведя пальмой, уговаривали. Если зверь все-таки не показывался, в берлогу заталкивали пихтовые ветки или чурки, оставляя место, чтобы медведь мог высунуть голову. Иногда (если никак не удавалось выманить медведя) раскапывали берлогу, завалив предварительно входное отверстие. Убивали медведя, уговаривая его не сердиться, приглашая в гости²⁸. Били обычно зверя в голову. Убив его, тушу оттаскивали ближе к костру, чтобы «глаза медведя не видели своей берлоги»²⁹. У подкаменнотунгусских кетов об этом написано поверье, что когда-то один охотник убил медведя, тушу не оттащил от берлоги, пошел за людьми. Немного отойдя, вспомнил, что забыл у берлоги огниво, вернулся, а медведь ожил. Еле дошел охотник, растерзанный медведем, к людям и, умирая, сказал: «Жить дальше будете, убив медведя, оттаскивайте его от берлоги дальше, чтобы ее не увидел, а то сживать сердитый будет»³⁰. По сведениям Б. О. Долгих, полученным у подкаменнотунгусских кетов, убитого медведя стегали прутиком³¹.

Прежде чем обдирать шкуру, отрубали (в запястье) правую переднюю лапу медведя. Выше отмечалось, что, по представлениям кетов, медведь имеет душу (точнее — смесь душ). Душа медведя — душа умершего человека, который и является к своим родственникам в образе медведя. Специфичен для кетов обычай обязательного выяснения, кто из умерших родственников пришел к ним. К выяснению приступали, трижды подбрасывая отрубленную правую лапу медведя и каждый раз задавая вопрос. По сообщению Б. О. Долгих, подкаменнотунгусские кеты бросали лапу на низ живота медведя, на правый пах. Для утвердительного ответа лапа должна упасть «ладошкой» (волярной стороной) вверх. Обычно сначала выясняли, из какого рода умерший. Представитель каждого рода трижды подбрасывал лапу, узнавая, не из его ли рода пришел гость. Подкаменнотунгусские кеты, у которых все население принадлежало к двум родовым группам, спрашивали: «Кто ты — „багдейгет“ или „кенътан“?». Выяснив это, искали у медведя какие-нибудь особые приметы (отсутствие определенного зуба, пальца, кривой

²⁷ Почитание огня характерно для кетов. Восходя, как и культ медведя, к древнему родовому культу, оно проявлялось в «кормлении» огня, строго установленном положении головешек в кострище (их клали в форме креста, ни в коем случае — поперек), в ряде запретов, связанных с огнем, использовании огня для «очищения» и т. д. С некоторыми моментами почитания огня мы встречаемся и в культе медведя.

²⁸ Обращение к медведю (убитому или живому) с извинительной или приветственной речью зафиксировано у многих народов Сибири. (Б. А. Васильев, Указ. раб., стр. 84).

²⁹ Обычай оттаскивания туши медведя подальше от берлоги существовал и у алтайцев.

³⁰ Полевая запись, № 435, л. 56.

³¹ Ср. с приведенными Е. Титовым сведениями И. А. Евсенина об обычае южносибирских тюрков гладить убитого медведя словой веткой против шерсти. (Е. Титов, Указ. раб., стр. 101).

коготь, шрам и т. д.), по сходству с которыми пытались определить более точно — кто перед ними. Если приметы совпадали, но лапа все-таки не падала вверх ладошкой, говорили: «Ты, однако, обманываешь», и гадали снова³². Гадали на всех родственников, а не только на дедушку или бабушку, как это отмечено у В. И. Анучина³³. Иногда, по свидетельству кетов, «оказывался» очень дальний родственник, давно умерший, которого и не ожидали. Подбрасыванием лапы определяли и сколько дней (обычно три) родственник собирается гостить. Хозяин, выследивший медведя охотник, в эти дни не охотился. Интересно, что в настоящее время в случаях, когда этот обычай кем-нибудь выполняется, охотник, не желая упустить дорогое время промысла, предлагает прямо медведю погостить один день или даже заявляет: «Ты, старик, не хочешь ведь гостить совсем». Метанием лапы прежде разрешали и возникавшие споры — кто первый выследил медведя («кому старик дом свой показал»). В дальнейшем правую лапу сохраняли как талисман³⁴.

Обрядовые действия над убитым медведем у кетов сводились к определенному порядку разделки туши. Тушу вспарывали, отрубали голову, лапы, снимали шкуру, вынимали внутренности. Желудок, легкие, потроха зарывали тут же³⁵. Ни в коем случае не допускали, чтобы собаки лизали кровь или поедали внутренности³⁶. Затем тушу разрубали, отделяя целиком позвоночник, ребра, бедренную часть. Разрубать эти кости запрещалось.

Курейские кеты сообщили нам об обычае брать на охоту за выслеженным медведем подростков. При свеживании туши охотник отрезал кусочек сердца, обмакивал его в кровь и заставлял сына съесть со словами: «Ты — сильный, мой отец, победив, сильнее тебя, я буду еще крепче, мое сердце будет крепче твоего». Иногда мальчика заставляли оседлать, держа за уши, еще шевелящегося медведя³⁷.

После разделки туши на разведенном до начала охоты недалеко от берлоги костре в медном котле варили сердце, печень и немного сала. Каждому из участников охоты давали на рожне по три куска сала, по кусочку сердца и печени. Охотники тут же ели, а сало уносили с собою. Домой возвращались, таща разрубленную тушу медведя на ручных нартах.

У курейских кетов существовал своеобразный обычай ставить на месте, где убили медведя, колышек, на гранях которого каждый из охотников вырезал свою тамгу — крестик, косой крестик, крестообразную фигуру в виде четырех треугольников, обращенных вершинами к одной точке, и т. п.

В празднике по случаю добычи медведя у кетов можно выделить три

³² Обычай гадания у кетов в какой-то степени сохраняется. В семье В. Ф. Максимова, жившей летом 1958 г. в устье р. Пакулихи, нам рассказали, что добытый ими несколько лет назад медведь «оказался» погибшим братом хозяина. Подбрасывая лапу и задавая вопросы, они «выяснили», при каких обстоятельствах он погиб.

³³ В. И. Анучин, Указ. раб., стр. 13.

³⁴ Обычай сохранять правую переднюю лапу медведя существовал также у симских эвенков. (К. М. Рычков, Указ. раб., стр. 112) и у шорцев. (Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 19).

³⁵ Ср. с обычаем алтайцев зарывать сердце при разделке туши. (Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 21).

³⁶ У эвенков существовал запрет проливать кровь убитого мясного животного (сохатого, дикого оленя, медведя). (См. Г. М. Василевич, Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов, «Этнография», 1930, № 3, стр. 64).

³⁷ Ср. с обычаем борьбы мальчика со скелетом медведя у эвенков бассейна Нижней и Подкаменной Тунгуски, а также отмеченный мифологический сюжет борьбы братьев — мальчика и медведя. (Г. М. Василевич, Древние охотничьи и оленеводческие обряды..., стр. 167—168).

момента: варка мяса, его распределение и общее угощение в чуме «хозяина» медведя; изготовление изображения медведя (либо использование с той же целью его отрубленной головы, черепа или кожи, снятой с носа и губ медведя); угощение «души» медведя; сценны магического характера с целью обеспечения удачной охоты и благополучия людей; проводы «души» — изображения медведя и его костей.

В обрядах принимало участие все население стойбища; добывший медведя и члены его семьи не охотились в эти дни, соседи не охотились в первый и последний день проводов медведя, а зачастую и все три дня.

Число дней праздника, определенное гаданием по лапе медведя, тщательно соблюдалось. Праздник начинался на следующий день после доставки туши медведя. В чуме охотника, убившего медведя, с утра в большом медном котле варили основные части туши — голову, грудину, ребра, позвоночник, лапы. У головы отделяли нижнюю челюсть, которая варилась в этом же котле³⁸.

Варить сразу в нескольких котлах запрещалось, так что если попался очень крупный медведь, приходилось варить его в два-три приема, но обязательно в одном котле. Варили медвежатину только мужчины.

Когда мясо было сварено, в чум хозяина собиралось все население стойбища (три-пять семей) независимо от родства, мужчины, женщины, дети. Каждый из присутствующих должен был попробовать от всего сваренного (для женщин однако запретным было участие в поедании головы медведя). Особенно строго это соблюдалось мужчинами в отношении головы медведя, которую ели только они; каждый должен был хотя бы потрогать пальцем все съедобные части головы и помазать пальцем губы. Недобрым признаком считалось, если кому-нибудь из семьи хозяина медведя от медвежатины станет плохо. Кроме общего угощения в чуме хозяина, каждой семье выделялась порция вареного мяса, которое гости уносили в корытообразных плоских деревянных блюдах — «сык». Часть мяса (и особенно законсервированное копчением сало) оставлялось хозяином для своих родственников, как бы далеко те не находились.

Пережитки коллективного потребления медвежатины сородичами сохраняются у кетов до настоящего времени. Местное русское население часто выражает удивление по поводу очень быстрого исчезновения медвежатины у кетов, не зная того, что хозяин медведя обязательно выделяет части своим многочисленным родственникам. При первой возможности такие «гостинцы» отправляются с оказией или отвозятся самим хозяином, нередко за 50—70 км.

Вторая часть праздника — угощение самого медведя. У подкаменнотунгусских кетов оно начиналось вечером первого дня. К этому моменту из чума выносили медвежье мясо, пол чума застилали свежими пихтовыми ветками — «конинг», иногда даже меняли берестяные подстилки — «коятль». Низкие столики — «лянь», на которые кеты ставят пищу, женщины тщательно выскребали ножами. Все это делалось, чтобы изъять самый «дух» вареной медвежатины.

Хозяин рисовал углем или толченым и смоченным порошком фигуру медведя³⁹ на очищенном кусочке бересты (длиной 15—20 см), вырезанном в форме овала. По материалам Б. О. Долгих, полученным у подкаменнотунгусских кетов, можно было делать изображение челове-

³⁸ Курейские кеты варили голову после трех дней праздника.

³⁹ В. И. Анучин упоминает такие изображения, выполненные резьбой или краской на дощечках. (В. И. Анучин, Указ. раб., стр. 13).

ка, которое называли «детпинисним» (рис. 1). Про изображение медведя кеты говорят, что это «ульвэй» — «тень», «душа» медведя. Судя по копиям такого изображения на бересте, полученным К. Доннером (1912 г.),

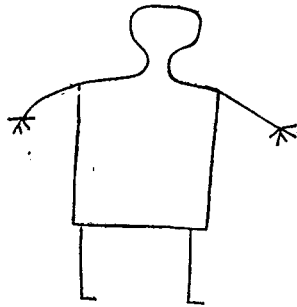

Рис. 1. Антропоморфное изображение медведя. Подкаменнотунгусские кеты (пос. Суломой, 1948 г.)

Б. О. Долгих (1948 г.) у подкаменнотунгусских кетов⁴⁰, и изображению, сделанному для меня стариком-кетом, живущим в поселке Сургутиха, они были однотипны (рис. 2)⁴¹. На шею и четырех лапах «берестяного медведя» закрепляли узкие полоски красной меди (ср. с обычаем надевать медные браслеты и ошейник на ручного медвежонка)⁴². Бересту сгибали продольно и покрывали сверху таким же согнутым кусочком бересты овальной формы⁴³. Оба куска бересты связывали или же скрепляли четырьмя маленькими деревянными шпильками.

На почетном переднем месте в чуме — «котэнг» (против входа), около переднего шеста — «котэнгданг», устраивали из четырех свежеструганных кедровых дощечек (30×20 см) нечто вроде ящичка — аньал (название записано Б. О. Долгих на Подкаменной Тунгуске), открытого сверху и спереди. Доски ящич-

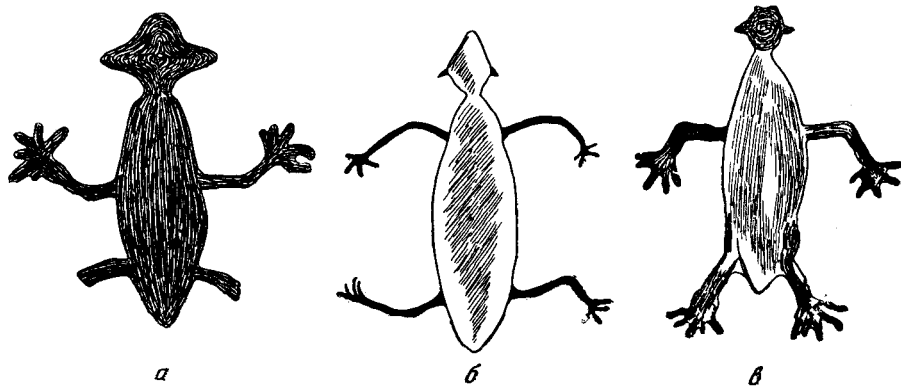

Рис. 2. Изображение медведя на бересте: а — подкаменнотунгусские кеты (1912 г.); б — подкаменнотунгусские кеты (пос. Суломой, 1948 г.); в — сургутихинские кеты (пос. Сургутиха, 1958 г.)

ка только складывали, не сбивая их⁴⁴. Береста с изображением помещалась в этом ящичке, головой медведя к открытой передней части. Перед берестой клали «мордочку» — подсушенную кожу, снятую с лобно-носо-

⁴⁰ Kai Donner, Указ. раб., стр. 97.

⁴¹ Иногда сбоку рисовали по семи наклонно расположенных черточек — ребра.

⁴² На рисунке, виденном К. Доннером, эти места были отмечены травяными нитями (Указ. раб., стр. 96).

⁴³ К. Доннер сообщает, что края обоих кусков бересты окаймляли черной полосой (там же).

⁴⁴ Кедр у кетов пользовался особым почитанием. Нам приходилось видеть молодые кедровые, поставленные с передней, почетной стороны чумов. Кеты называют их «коксь-оксь» — «жертвенное дерево» («коксь» — название матерчатых и других подвесок-подарков, прикреплявшихся к веткам). Почитание кедра нашло отражение и в более позднем шаманском культе, — основные атрибуты — бубен и колотушка — изготовлялись всегда из кедра. С культом кедра связаны и некоторые традиции медвежьего праздника: изготовление ящичка из кедра, кедровая веточка — кольцо (см. ниже), подвешивание на кедровое дерево изображения медведя по окончании праздника.

вой части и губ медведя⁴⁵, сзади — медвежьей желчь и, по данным К. Доннера, глаз и «penis» медведя⁴⁶. В ящичек помещали также согнутую кольцом и связанную концами тонкую кедровую веточку, очищенную от хвои (рис. 3)⁴⁷. К связанным концам веточки подвешивали кусочек рыбьего клея — хит, а по обе стороны привязывали по семи (по сообщению подкаменнотунгусских кетов, по двенадцати) тоненьких палочек — «ребер» медведя. К кольцу же подвешивали кусочек языка медведя и небольшие кусочки меди⁴⁸. Кольцо как бы символизировало нечто, связывающее воедино части тела. Медь — «золото медведя» — необходима, по объяснению кетов, чтобы «спаивать» его кости, клей — чтобы «склеивать» части тела. Сургутихинские кеты называют кедровое кольцо «нарточкой» медведя, — будто бы медведь приходит к людям за клеем и медью и затем тащит их домой. По их объяснению, медь и клей обязательно должны быть даны медведю, чтобы он рассказал об этом другим медведям, тогда и те будут приходить к людям. Существует и другой вариант: отправляя изображение после праздника в лес без меди и клея, считают, что медведь должен вернуться или прислать другого медведя за ними. Все последующие дни праздника ящичек стоял на почетном месте; на ночь его покрывали белым платком.

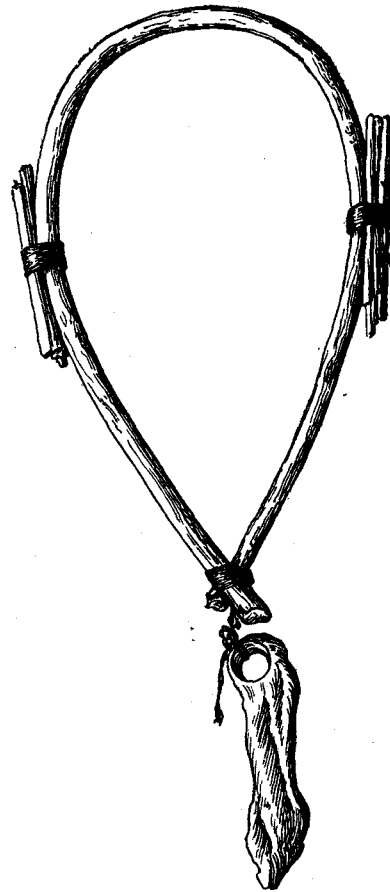

Рис. 3. Кольцо из кедровой веточки (изготовлено по просьбе автора кетом П. И. Тапковым в пос. Сургутиха, 1958 г.)

Когда приходили все гости, хозяин начинал подробный рассказ с того дня, когда он выследил медведя. Рассказывал, как в то утро он встал, что поел, что делал до ухода на охоту. Как собрался и пошел, по каким признакам нашел чум «старика» и решил, что дальше ходить нельзя, а завтра надо прийти к нему в гости, и т. д. Рассказчик сидел около ящичка с изображением, перед ним стоял «хиттын» (хит — клей, тын — котел) — приспособление для разогревания рыбьего клея. Хиттын представляет собой палочку, на расщепленном верхнем конце которой закреплена воронка из свернутой бересты. В воронку к началу рассказа клали сырые глаза медведя. Из кедровой палочки выстукивали маленькую (длиной 20—25 см) пальмú. Дойдя до того мо-

⁴⁵ Кожу с носа медведя отрезали также ханты, тувинцы, якуты и ряд других народов Сибири, а также саамы на Европейском Севере. (Б. А. Васильев, Указ. раб., стр. 88).

⁴⁶ Kai Donner, Указ. раб., стр. 96.

⁴⁷ Местоположение ее точно не удалось выяснить — в одном случае говорят, что ее кладут сверху бересты, в другом — рядом с ней; К. Доннер свидетельствует, что ее помещают на конце изображения. (Kai Donner, Указ. раб., стр. 96).

⁴⁸ Обычай отрезания кончика языка существовал в прошлом у тубаларов (Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 19).

мента в рассказе, когда охотники подняли и убили медведя, рассказчик быстро ломал пальму, втыкал ее в земляной пол, вскакивал и с криком «ухэй!» заглатывал глаза⁴⁹. Хитын и сломанную пальму бросали в костер. Считалось, что проглотить глаза может только долговечный человек, поперхнуться при этом считалось очень недобрый признаком.

Затем хозяин чума изображал медведя, подражая ему телодвижениями и криком. К лицу он в это время прикладывал как маску «мордочку» медведя⁵⁰. Подражая медведю, охотник свистел бурундуком (кеты считают, что медведь может свистеть как бурундук и пользуется этим, чтобы ловить зверьков); этим он как бы призывал «звериный народ» попадаться людям. Периодически охотник снимал «мордочку» и грел ее над костром⁵¹. «Мордочка» передавалась поочередно каждому из мужчин, которые повторяли те же действия. У медведя просили, кроме удачи в охоте (медведь — «царь зверей», по представлениям кетов, мог обеспечить удачную охоту), благополучия и избавления от болезней⁵².

Затем «мордочку» клали на прежнее место, перед ящичком ставили столик — обычный или заново изготовленный. Непременным условием было отсутствие железных гвоздей в столике; зато старались к дощечке прикрепить кусочки меди (часто использовали для этого пистоны). По сведениям сургутихинских кетов, на столик вместо ложечки клали для медведя медную пластинку⁵³ и ставили семь стаканов чая (по числу душ медведя), рыбий жир, хлеб, сахар и т. д.⁵⁴. Присутствующие сидели за другими столиками. Некоторое время никто не ел — считалось, что ест гость. Затем хозяин отпивал из каждого стакана. Шесть стаканов со стола медведя раздавались старшим из присутствующих родственников хозяина медведя, седьмой оставался на столике. Начиналось общее угощение. По окончании его гадали, кого медведь выберет доедать за ним угощение. Загадывали на членов семьи хозяина, трижды подбрасывая отрезанную правую лапу медведя. Считалось, что тому, кому выпало доедать за медведем, будет способствовать удача на охоте. Кетка О. В. Тыганова (пос. Суломай, р. Подкаменная Тунгуска), рассказывавшая нам о празднике по случаю добытого в их семье медведя, очень сожалела, что честь доедать за медведем выпала ее сыну, тогда еще маленькому, а не взрослым членам семьи.

В последующие дни праздника столик стоял перед ящичком, во время еды ставили угощение и медведю; доедал за него тот же человек (по

⁴⁹ Вынимание глаз медведя известно в обрядности многих народов Сибири. Заглатывание глаз было отмечено у сымских эвенков. (Г. М. Васильев, Древние охотничьи и оленеводческие обряды..., стр. 167), а также у народов Саяно-Алтайского нагорья (Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 20).

⁵⁰ В другом варианте охотник ведет весь рассказ в такой маске.

⁵¹ К. Доннер пишет, что ее бросали в огонь и выхватывали оттуда. (Kai Donner, Указ. раб., стр. 97.)

⁵² Такая же имитация медведя, своеобразные пантомимы на празднике медведя зафиксированы и у манси. Характерно, что охотники-манси при этом также надевали маски, но не из кожи, снятой с носа и губ медведя, а специально изготовленные. (В. Н. Чернецов, Указ. рукопись; Б. А. Васильев, Указ. раб., рис. 1.)

⁵³ Красная медь у кетов играла особую роль, что проявилось и в культе медведя. Ср. медные украшения на прирученном медведе и его изображении, использование медного котла для варки мяса и т. д. Многие подвески на шаманском костюме также изготовлялись из красной меди. Отметим, что у кетов медный порошок (его соскребали с бытовых медных предметов — ручки чайника, котла и т. д.) принимали внутрь при переломах костей для их «спаивания».

⁵⁴ К. Доннер в числе прочих угощений называет также медвежье сало (Kai Donner, Указ. раб., стр. 97); по свидетельству подкаменнотунгусских кетов, медвежатину изображению медведя никогда не предлагали.

сведениям, полученным Б. О. Долгих у подкаменнотунгусских кетов, допивал за медведя обязательно мальчик).

По сведениям, полученным у курейских кетов, на празднике угощали отрубленную голову медведя⁵⁵. Через три дня шкуру с головы обдирали, отнимали нижнюю челюсть и варили все в одном котле. Есть голову собиралось все мужское население стойбища, старались попробовать от каждой части⁵⁶. Кеты, живущие в настоящее время на р. Пакулихе, сообщили мне, что изображения медведя они не рисовали, а ставили в ящичек только олицетворявшую его «мордочку». По сведениям Н. К. Каргера, приведенным Б. А. Васильевым, кеты ставили также череп медведя⁵⁷. Последнее подтверждается и материалами Б. О. Долгих: подкаменнотунгусские кеты иногда вместо изображения клали в ящичек вываренный череп медведя, к которому плотно прикладывали нижнюю челюсть.

Провожать медведя собиралось опять все население стойбища, устраивали угощение. Медведя уговаривали, чтобы он не обижался, если плохо гостил, посылал бы других медведей в гости, выполнил бы просьбы. По свидетельству подкаменнотунгусских кетов, хозяин снимал с изображения и колечка медь, клей, чтобы медведь еще раз пришел «за оставленным имуществом». Прежде чем вынести изображение, его «очищали», поводя вокруг него кедровым колечком, затем его дважды обносили посолонь вокруг костра.

По сведениям Б. О. Долгих, у подкаменнотунгусских кетов хозяин медведя брал изображение, надев рукавицы, и, положив его вместе с нижней доской на руку (остальные доски ящичка убирала), обносил вокруг костра семь раз. Затем он уносил изображение в тайгу. Там в укромном месте он выбирал молодой кедр, на котором «с утрешней» (восточной) стороны топором делал зарубку. Колечко и бересту с изображением ставили в зарубку или подвешивали на сучке. В лес же относили и череп медведя (если вместо изображения на празднике стояла голова) с плотно привязанной («приращенной») нижней челюстью и надевали на обрубленный сук или на шест, воткнутый в землю⁵⁸. Кости медведя тщательно собирали; родственники и соседи, съев мясо, приносили их в чум хозяина. Кости отдельных частей скелета подбিরали вместе, ребра (отдельно правые и левые) связывали лыком из коры черемухи. Хозяин, завернув кости в бересту или холст, относил их в тайгу и там где-нибудь «хоронил» их в дупле кедра или зарывал.

Береста, со временем распрямляясь, падала на землю. По представлениям кетов, с этого момента медведь «возрождался» и начинал новую жизнь.

* *
*

В. И. Анучин, собиравший этнографический материал у кетов в 1905—1908 гг., отмечал, что «тот вид обряда, который существует у других сибирских инородцев под названием медвежьего праздника, у остяков не существует»⁵⁹.

⁵⁵ Угощение головы на медвежьем празднике отмечено также у хантов, манси и у народов Дальнего Востока. (Б. А. Васильев, Указ. раб., стр. 92).

⁵⁶ Очевидно, «угощение» головы медведя у кетов имел в виду В. И. Анучин, отмечив, что «голова медведя отделяется целиком и служит затем для особой церемонии». (В. И. Анучин, Предварительный отчет о поездке к енисейским остякам в 1905 г., «Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», 1906, № 6, стр. 47).

⁵⁷ Б. А. Васильев, Указ. раб., стр. 92.

⁵⁸ Сведения получены мною от курейских и подкаменнотунгусских кетов.

⁵⁹ В. И. Анучин, Предварительный отчет..., стр. 47.

Приведенный материал свидетельствует об ошибочности этого вывода. Культ медведя у кетов ярко проявляется именно в описанном комплексе обрядов во время охоты на медведя и в праздновании по случаю его добычи; этот комплекс обрядов правомерно назвать «медвежьим праздником». Отдельные моменты праздника — первая и заключительная его стадии — встречаются в обрядовых действиях, связанных с культом медведя, и у других охотничьих народов. Первая стадия (коллективная варка мяса, распределение его и общее угощение) служат проявлением коллективной формы охоты на крупного мясного зверя в прошлом. В заключительной стадии праздника (проводы изображения медведя и его костей) ярко проявляется представление о возрождении убитого животного, характерное для всех охотничьих сибирских народов, восходящее к магическому обряду оживления животного. Это представление распространялось на всех мясных промысловых животных (лося, дикого оленя и т. д.) и было связано со стремлением человека обеспечить добычу и на последующее время. Этим и осмысливаются отмеченные у кетов запрет рубить кости скелета медведя, варка мяса в одном котле, помещение в ящичке кусочков языка, *penis'a*, желчи медведя, а также кедрового колечка с «ребрами», клеем и медью для «спайвания» и «склеивания» частей его тела. В сценах подражания медведю, призывания зверей и выпрашивания благополучия проявляются элементы древней охотничьей магии.

Почитание медведя у кетов восходит к древним родовым культам, о чем свидетельствует, например, обязательное распределение мяса между родственниками; обычай ставить тамги у берлоги медведя, очевидно, раньше также носил родовой характер. Праздник стал межродовым, с участием в празднике соседей — не родственников, очевидно, в результате утраты родовых институтов и утверждения территориальной общины.

Характерно включение в охотничий культ медведя и других древних культов — огня и дерева, восходящих к общему культу природы.

Некоторые специфические моменты культа медведя у кетов: названия медведя (особенно название «кой», употребляющееся также в значении «отчим», «мачеха», «дядя по материнской линии»), обычай выпрашивания медвежат — могут быть рассматриваемы как подтверждение тотемистического происхождения культа.

Б. А. Васильев, специально занимавшийся изучением медвежьего праздника, выделяет два его пласта, различных по времени возникновения. Первый, наиболее древний, названный автором «евразийско-американским», характеризуется следующим обрядовым комплексом: «словесные запреты и подставные названия, обряды сборов на охоту, медвежьи танцы-пантомимы, имеющие целью как благоприятный исход охоты, так и размножение зверей, извинительные речи, обряды с тушей медведя в тайге — обрядовое снятие шкуры, вынимание глаз, отрезание костей, половых частей, ушей, носа и т. д.; фаллические обряды, ритуальная варка и еда медвежьего мяса, сохранение в целости всех костей скелета и черепа медведя и их ритуальное захоронение, идея возрождения убитых медведей и основной сюжет медвежьего мифа, согласно которому медведь является сородичем, «превращенным» человеком (женщиной), хозяином тайги и гор или стоит в каком-то близком отношении к такого рода антропоморфным хозяевам». Второй пласт, более поздний, характерными особенностями которого являются содержание медведя в клетке и жертвоприношение его, сопровождающееся многодневным праздником, Б. А. Васильев называет «айнским»⁶⁰.

⁶⁰ Б. А. Васильев, Указ. раб., стр. 103 и др.

Как видно, отмеченные моменты «евразийско-американского» пласта характерны и для кетского медвежьего праздника; более того, можно говорить о наиболее полном проявлении этого комплекса именно у кетов.

В то же время в культе медведя у кетов проявились и специфические особенности: гадание при помощи отрубленной лапы, обряды, связанные с изготовлением изображения, использование кожи с носа и губ медведя в качестве маски и т. д. А именно в этих особенностях кетского медвежьего праздника проявляются наиболее архаичные его элементы, не сохранившиеся у других народов.

В том факте, что медведя на празднике у разных групп кетов олицетворяли либо его голова или череп, либо кожа с носа и губ, либо, наконец, нарисованное изображение, заманчиво видеть проявление различных стадий развития культового обряда. Однако это только предположение, требующее подтверждения дополнительным материалом.

Сходство отдельных моментов культа медведя у кетов и других народов Сибири не только свидетельствует о широком распространении охотничьей культуры. Отмеченные сходные обряды (в частности у эвенков, народов Саяно-Алтайского нагорья), как и некоторые черты сходства в проведении праздника медведя у хантов и манси, должны быть учтены и при выяснении древних этнических и культурных связей этих народов в прошлом.

Изучение медвежьего культа важно, однако, не только с историко-этногенетической точки зрения и для выяснения формирования мировоззрения народа в прошлом, но и для борьбы с пережитками религиозных верований в настоящее время. Реконструкция хозяйства, рост культурного уровня, сама жизнь, в которой человек становится хозяином природы, вытесняют религию. Но многовековое наследие исторического прошлого отсталых в своем экономическом и культурном развитии сибирских народов, в том числе кетов, не исчезает сразу. В условиях социалистического переустройства жизни народов Сибири культ медведя, как и многие другие древние культы, начал быстро деформироваться и затем почти полностью утратил свое религиозное содержание.

У кетов древний культ превратился в производственно-бытовую традицию. Уже давно не соблюдается комплекс отмеченных обрядовых действий при сборах на охоту и проведении ее, при разделке туши добытого медведя, нарушена определенная последовательность праздника. Некоторые традиционные обрядовые моменты дольше сохранялись у наиболее изолированных елогуйских и подкаменнотунгусских кетов. Надо сказать, что медвежий праздник был в прошлом почти единственным общераспространенным праздником у кетов. В настоящее время кеты с удовольствием, именно как о празднике, рассказывают об этом обычае и прежде всего — о его развлекательной стороне. Сообщая же о религиозном осмыслении обрядов, и пожилые люди нередко оговариваются: «Так раньше наши деды считали». Молодежь повсеместно либо совсем не знает обычая, либо сообщает о нем как о развлечении. Нечастое и радостное для охотников событие — добыча медведя — у всех кетов и сейчас отмечается общим угощением у хозяина и выделением части мяса родственникам, охотничьими рассказами, общим весельем.

Изучение эволюции древнего культа, превращения его в бытовое развлечение, утратившее религиозный смысл, имеет большое значение для характеристики роста культуры кетов — одной из самых малочисленных и наименее изученных сибирских народностей.

SUMMARY

The Ket are the smallest — and one of the less studied — peoples of Siberia, whose origin to this day remains a problem. The study of the «bear holiday» among the Ket throws some light on their ethnic origin. The «bear holiday» known to exist among the peoples of Siberia, has been preserved by the Ket in its most archaic form, with its totemic source clearly manifested. The holiday arose among the ancient hunters of Siberia at one of the earliest stages in their social-economic development (the tribal period). Studying the rites of the «bear holiday» of the Ket helps to comprehend and reconstruct in full the forms which this cult had among several other nationalities of Siberia (e. g. those inhabiting the taiga areas in the Sayan and Altai mountains), among whom only its fragmentary relics have survived. At the present time the «bear holiday» among the Ket is coming to be a local popular festivity, in which only the traditional elements of the old rites are preserved, while their religious import is lost.
